

— первая среди лучших —

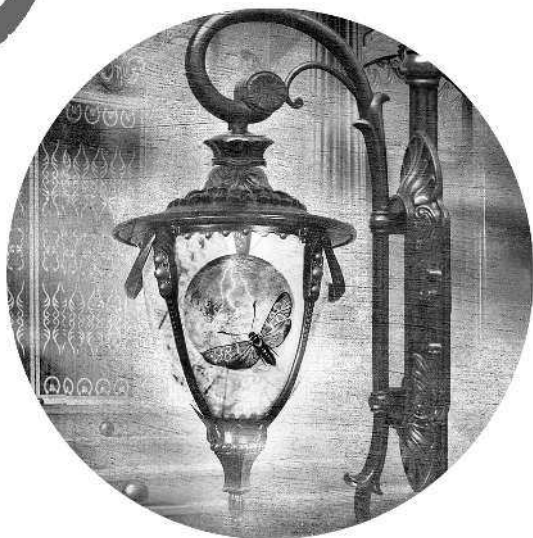

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА Устинова

Отель последней надежды

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

В оформлении обложки использован шрифт «Клементина»
© «Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 ОТЕЛЬ последней надежды : роман / Татьяна
Устинова. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. —
(Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-73789-5

«Я тебя разлюбил, — сказал муж и посмотрел в сторону. — Ничего не поделаешь! Я же предупреждал тебя, что я человек сложный!..» Вот так в одно-единственное мгновение все рухнуло... Теперь нужно будет учиться жить заново, жить одной, жить без него... Только любимая работа помогала забыть этот кошмар и не сойти с ума. А отель, где Надежда возглавляла службу портье, готовился к визиту ни много ни мало... американского президента. Введены строжайшие меры безопасности. Всех сотрудников тщательно проверяют. Однако Дэн Уолш, глава службы безопасности президента, с ужасом понимает: Надежда Звонарева, которая — вот дьявол! — ему так сильно нравится, очень подозрительно себя ведет. И ее нужно проверить в первую очередь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-73789-5

© Устинова Т. В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Будь таким, какой ты есть. Или
же будь таким, каким ты кажешься.

Джелаладдин Руми

— Я тебя разлюбил, — сказал муж и посмотрел в сторону. — Ничего не поделаешь! Я же предупреждал тебя, что я человек сложный!..

— Когда предупреждал? — спросила Надежда.

В голове было пусто, на душе тоже пусто. Так пусто, что она цеплялась к словам, придумывала вопросы, чтобы не сидеть в пустоте.

— Еще давно! — энергично произнес муж и сморщился. Ему тягостна была сцена прощания, и хотелось, чтобы она поскорее закончилась. Желательно без потерь. — Помнишь, я говорил тебе, что со мной очень сложно, я быстро устаю от жизни с одним человеком, начинаю скучать... Помнишь?

Надежда пожала плечами. Возможно, он и говорил, но она ничего такого не помнила, конечно.

А может, и не слышала вовсе. Она была в него влюблена, а когда человек влюблен, его трудно напугать тем, что объект его вселенской, неземной, единственной в мире любви «быстро устает» или «начинает скучать»!..

Какая разница, начинает или нет! Уж со мной-то точно не заскучает! Ведь такой вселенской, неземной, единственной в мире любви не было ни у кого с момента сотворения мира!

Они помолчали, сидя по разные стороны дивана и глядя друг на друга.

Он же мой, думала Надежда. Он мой, вон и царапина на руке моя — он ободрался, когда на прошлой неделе я его попросила на участке у мамы наломать сирени. Он наломал, но поцарапался, и мы вместе заклеивали руку пластырем, чтобы было не так заметно. И кружка, из которой он пьет чай, тоже моя. Белая кружка с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию», которую я привезла из этой самой Калифорнии, он кружку обожает!.. И рубашка моя — я ее покупала к лету на распродаже и страшно гордилась собой, что удалось так ловко сэкономить, почти вдвое!.. И глаза, в которые я люблю смотреть, очень темные, черные почти, ни у кого на свете я больше не видела таких темных глаз, и длинные ресницы, и смешная ямочка на одной щеке — все мое!

Или... уже не мое?

— Ты... кого-нибудь встретил? — вдруг спросила Надежда.

Нельзя так спрашивать, она прекрасно это знает, и во всех книгах по психологии написано, что нельзя спрашивать мужчину о его личной жизни и нельзя задерживать его, когда он уходит. Нельзя, потому что можно утратить чувство собственного достоинства. Кажется, согласно этим книгам, можно спросить о его планах относительно раздела имущества. Можно, но немыслимо, потому что раздел имущества — это конец, точка, финишная ленточка, забежав за которую ничего не остается, только упасть замертво.

И еще гордость, да, да!.. У меня же есть гордость.

Но что с ней делать, когда он бросает меня и вот-вот бросит навсегда?!

— Да никого я не встретил! — сказал он с досадой. Видимо, не следует спрашивать мужчину о его личной жизни. Также нельзя препятствовать ему, когда

он вознамерился уйти, ибо все равно уйдет, но гордость может пострадать...

— А если не встретил, то почему ты уходишь?.. — произнесла Надежда страшным шепотом и прижала кулаки к сухим глазам. — Зачем?!

— Ну вот, — пробормотал муж. — Началось.

— Нет, нет, нет, — забормотала Надежда, отняла руки от глаз и поморгала, чтобы он видел, что она не плачет, и посмотрела умоляющим собачьим взглядом.

— Не бросай меня, а?.. Ну пожалуйста!.. Ну, разлюбил, так хоть пожалей меня, вот прямо сейчас возьми и пожалей, как жалел всегда, если я температурила или ушибала палец!.. Ты брал меня за руку, целовал в ладонь, шептал какие-то глупые слова, и становилось не больно и не страшно. А сейчас ты раздражаешься оттого, что мне больно из-за тебя, и тебе хочется на свободу, и совсем не хочется страдать, и уж тем более разделять мои страдания!..

Я же вижу. Я столько лет тебя знаю!..

— Мне скучно, — сказал он решительно. Он все время говорил решительно, наверное, потому, что долго готовился к разговору. — Тебя никогда нет дома, а я должен тебя ждать! Мне неинтересно с твоей тусовкой, а больше ты никуда не ходишь, потому что ты все время на своей гребаной работе!

— Давай ходить! — пылко и страстно крикнула Надежда. — Давай, я согласна!

— Поздно, — сказал муж. — Я тебя все-таки разлюбил, Надя. Ты понимаешь?

И тут она поняла.

Он никогда в жизни не называл ее Надей. Только Надюха или Надежда. Надя — персонаж из другой жизни, в которую они сейчас, должно быть, только вступали.

— Ты меня разлюбил... совсем? — жалобно спросила она. Слезы подступили к последнему рубежу обо-

роны, и никак нельзя было допустить, чтобы они прорвали плотину и затопили все вокруг. — Или еще все-таки не совсем?.. Если еще не совсем, давай... ну хоть до Нового года назначим срок, а? Ты... отдохнешь от меня, а там посмотрим...

— Да ничего мы не посмотрим, Надь! Все же и так ясно.

— Ясно, — повторила Надежда. — Ясно. И до Нового года ты не...

— Да зачем нам сроки?! Все рано ничего не изменится!

— Ты уверен?

Он перестал отводить глаза в сторону и кивнул.

— Ясно, — еще раз повторила Надежда. — Ну хорошо, что ты это сейчас сказал, а не когда я бы встретила тебя на улице с прекрасной и юной девушкой.

— Вот ты не веришь, а у меня на самом деле никого!..

— Я знаю, — сказала она. — Ты честный парень.

Наверное, нужно встать и уйти. Не собираясь, не рыдая, не спрашивая, куда пойдет он, где станет жить, и — самое главное! — с кем! Наверное, следует сохранять остатки гордости, хотя непонятно, кому они нужны: его нет, а остатки зачем?!.

Но она все-таки заплакала, и плакала недолго.

Когда она завтра вернется после работы домой, уже ничего не будет прежним.

Уже ничего и никогда не будет таким, как раньше, — простым, ясным, веселым и теплым. Даже если он одумается и вернется, она больше никогда не поверит ему до конца, и станет постоянно ждать подвоха, и высматривать в его темных глазах что-то такое, что уже когда-то было и из-за чего он так жестоко поступил с ней, а он будет думать, что, пока его не было, она жила с другим или сразу с несколькими дру-

гими, а в книгах по психологии пишут, что мужчинам особенно невыносима мысль «про других»!

Она сейчас уйдет, а завтра все изменится, окончательно и бесповоротно, как будто великан наступил на домик лилипута — в порошок не растер, но примял изрядно, и теперь все там, в домике, примятые, странные, не осознавшие своего нового положения.

И ничего нельзя поделать. Он даже ни о чем не спросил ее, когда принимал решение — за них обоих!

— Мне, наверное, лучше уехать, — сказала Надежда и сделала попытку встать с дивана, но так и не встала. — Я сейчас... сейчас...

— Ты только трагедий не устраивай, а? — попросил муж. — Мне ведь тоже тяжело.

— Тяжело, я знаю, — согласилась Надежда. — Как ты останешься один?.. Без меня?..

— Я переживу, — отрезал он. — Ничего со мной не будет.

— И ты даже не хочешь мне объяснить...

— Не хочу, Надь, — сказал он устало. — Все, что мог, я тебе уже объяснил, а дальше я сам ничего не знаю. Разлюбил я. А зачем жить вместе, если нет любви?

На этот вопрос Надежда ответа не знала. Ей казалось, что жить вместе все равно стоит, чтобы не пропасть поодиночке, чтоб было кому сказать: «Смотри, какой падает снег!», или что больше нет сил, или что очень хочется на море. Чтобы ночью было к кому прижаться, чтобы было кому показать ушибленный палец или стертую пятку, было с кем в гости пойти, кому поплакаться и с кем порадоваться. Или все это глупости?..

— К нам в отель президент приезжает, — произнесла она жалобно. — Представляешь? Заезжает его служба безопасности, а для обычных гостей мы закрываемся на два месяца.

— Какой президент?

— Американский, по-моему. — Тут она поняла, что не может вспомнить, как зовут американского президента, и опять заплакала.

— Надя!

— Я не буду, не буду, — торопливо сказала она и вытерла глаза.

Они еще посидели молча.

— А ты... будешь мне звонить?

Он промолчал.

— Или ты больше не хочешь меня видеть и слышать... вообще? Никогда?

— Да нет, — ответил он равнодушно. — Звони, конечно.

Уезжай, тихо и отчетливо сказал кто-то у нее в голове. Уезжай, хватит с тебя!..

И она поднялась с дивана.

Уехать сейчас было все равно что уйти на войну. Неизвестно, вернешься ли живым, и будут ли целы руки и ноги, или останешься навсегда там, куда уходишь.

Он посмотрел на нее.

— Ключи я отдам Саше. — Так звали соседа. — Прости меня и спасибо тебе за все.

— Это ты меня прости, — возразила Надежда. — И тебе спасибо. Ты для меня больше сделал, чем я для тебя.

Она забыла и то, что он для нее сделал, а потому просто повела вокруг рукой — как бы в знак того, что он сделал все.

Кажется, на том месте, где должна быть человеческая голова, наполненная мыслями, у нее осталась только вздутая пульсирующая кровавая рана, которая, должно быть, остается после гильотины.

Гильотину во Франции отменили только в 1978 году, а до этого в самой демократической и либеральной стране Европы все головы секли!..

Мне только что отсекли голову, хотя нынче уже не 1978 год. Что делать? Как жить без головы?..

Она еще походила по комнате, выжидая и смутно надеясь на то, что он сейчас скажет, что все это программа «Розыгрыш», хоум-видео, и сосед Сашка выпрыгнет откуда-нибудь с камерой, а муж подхватит ее под коленки, покружит и сообщит, что она дурочка последняя, раз во все это поверила, но ничего такого не произошло.

Он просто сидел и смотрел на нее. Ждал, когда она уйдет.

— В понедельник окно привезут, — вдруг сказал он. — В спальню. Ты не забыла?

Надежда сначала кивнула, а потом отрицательно помотала головой. Она понятия не имела ни про какое окно. Всеми такими делами в их семье занимался ее муж.

— Значит, забыла, — констатировал он.

— Да я и не знала.

— Как не знала! Я же тебе говорил!..

Она тяжело посмотрела на него.

— Ладно, — пробормотал он. — Я тогда заеду в понедельник, посмотрю, чтобы они его хорошо поставили. Ты в понедельник работаешь или нет?

У Надежды была сменная работа, как у шахтера или милиционера. Она быстро прикинула, работает или нет, — если не работает, значит, в понедельник у нее есть шанс его увидеть! Впрочем, если работает, всегда можно отпроситься у Лидочки. Лидочка умная и добрая, она все поймет и непременно ее отпустит!

— Я... Кажется, я на работе, но смогу...

— Вот и отлично, — продолжал он энергично. — Я приду, все сделаю, а когда ты вернешься, меня уже не будет. Тогда ключи Сашке я оставлю в понедельник, договорились?

— Да, — согласилась Надежда. — А может, ты до

понедельника уже поймешь, что твоя жизнь без меня пуста и однообразна...

— Я не пойму, — отрезал муж. — Ты шутишь, что ли?..

— Шучу, — мрачно подтвердила Надежда.

Она подцепила со стола ключи от своей машины и задумчиво покрутила их на пальце.

Я же его люблю. Я же его очень сильно люблю, а он принял решение — давно! — и ни слова мне не сказал, все обдумал и теперь прощается со мной навсегда?! И завтрашнее утро будет первым утром без него, и все последующие утра до самого конца тоже будут без него?!

— Ну, пока, — сказала она и сунула ключи в карман. — Я к Лидочке поеду, но завтра мне на работу, поэтому утром я приеду переодеваться. Ты еще здесь будешь?

Он покачал головой, как ей показалось, с облегчением.

— Нет, я, наверное, тоже уеду.

И она не спросила — куда. В прошлой жизни, которая кончилась десять минут назад, непременно бы спросила, а сейчас нет. Нельзя.

У порога — он пошел ее провожать — они обнялись и постояли некоторое время, тесно прижавшись друг к другу.

— Ты хорошо пахнешь, — сказала она

— Это ты мне подарила одеколон, — ответил он.

— Я желаю тебе удачи, — сказала она.

Еще секунда, и все кончится, и больше ничего не будет, ни тепла, ни одеколona, ни запаха, ни его самого.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Все будет хорошо.

— Я надеюсь, — ответила она.

И вышла за дверь, и стала спускаться вниз по ши-

рокой лестнице залитого весенним солнцем парадного. У нее за спиной привычно повернулся в замке ключ — тоже в последний раз.

Она спускалась, держась за нагретые перила, и то место, где положено быть голове, болезненно пульсировало, и, кажется, там надувались и лопались кровавые пузыри.

Она вышла из подъезда и некоторое время стояла, не в силах сообразить, что должна сейчас делать. Кажется, сесть в машину и поехать к Лидочке, но где ее машина? И как на ней ехать? И где живет Лидочка?

Она сообразила, конечно, и двинулась в сторону автомобиля, вяло придумывая, что именно скажет Лидочке.

Да, да, это самое лучшее, что можно сделать, — медленно поехать к Лидочке! Гильотинированная голова на миг приросла обратно. Надежда села в машину, завела ее и стала выруливать со двора.

Двое в пыльных «Жигулях» переглянулись.

— Ну, посмотрел? — спросил тот, что был за рулем. — Она и есть. Надежда Звонарева, начальник службы портье.

Второй зашелестел бумажками у себя на коленях, нашел нужную и прочитал короткую справку. Ничего не сказал и кивнул.

— Тебе о ней много знать не нужно, — продолжал первый. — Вы с ней виделись только один раз, на курсах в Лондоне. Ваш шеф, сэр Майкл Фьорини, приглашал на стажировку сотрудников из всех своих офисов. Ты тогда работал в Женеве.

— Да я помню! — возразил второй с досадой. — Почему у сэра такая странная фамилия? Итальянец?

— Итальянец. Титул купил. Все отели над ним смеются, но уважают. Он славный старикан.

— Почему мне о нем не говорили?

Первый усмехнулся, повернул в зажигании ключ и

несколько секунд послушал, как надсадно, словно из последних сил, стучит мотор.

— Успеется, — сказал он наконец. — Поехали. У нас еще несколько точек.

Когда Надежда, переждав на перекрестке «красный», поворачивала налево, «жигуль» вырулил из подворотни, помигал какому-то не в меру резвому джигиту, чтобы пропустил его, и покатил в другую сторону.

— Поэтому я от тебя и ухожу! — прокричала жена и очень громко стукнула по столу белой чашкой с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию».

У Дэна болела голова. Так сильно, как будто лопнули височные кости, и все, что было внутри и называлось его мозгами, вывалилось наружу. И теперь оно жарится на бешеном калифорнийском солнце, и скоро изжарится совсем.

— Зачем мы тогда сюда приехали? — спросил он. — Ты же так хотела в Калифорнию! И у нас отпуск...

— Затем, что я не хотела говорить об этом дома, где так много того, что мне дорого, — отчеканила жена.

Потом она подумала и достала из объемистой сумки книжицу, сверкнувшую глянцевою обложкой прямо ему в глаза. Он чуть не застонал.

— Вот тут написано, что расставаться следует быстро и ни о чем не сожалеть. — Она ловко и привычно пролистала тонкие страницы, нашла нужную и провозгласила: — «Расставайтесь легко и по первой необходимости! Расставайтесь дома и на работе! Расставайтесь в офисах и на вечеринках! Но если ваша связь была слишком долгой, лучше расставаться на нейтральной территории. Там у покинутого вами человека меньше шансов закатить скандал и окончательно испортить ваш день!»

Дэн Уолш вытаращил глаза. Даже голова перестала болеть.

— Ты бросаешь меня... по инструкции?!

— А что?! — спросила жена воинственно. — Это очень хорошая инструкция, и без нее я бы, может, и не решилась! И превратила бы свою жизнь в ад.

Он подумал немного.

— А мою?

Жена уже читала свою книгу в глянцевой обложке — всерьез читала, даже с упоением, и подняла на него глаза не сразу.

— Прости, не поняла?

— Мою жизнь ты не превратила в ад?

Она бережно закрыла томик, заложив палец на нужной странице. Черт бы ее подрал с ее психологическими книгами! Должно быть, в муниципальной школе города Топеки, где она училась, Библию читали с меньшим усердием!

— Дэн, — сказала она с чувством. — Твоя жизнь и так ад. Я просто не хочу в этом участвовать, вот и все! Мне тридцать семь лет, я делаю карьеру и планомерно иду к цели. У меня впереди долгая интересная дорога! А ты? Кто ты? Ты просто неудачник!

— Я?!

— Именно ты, Дэн, — произнесла она с сожалением и остановила проходящую мимо официантку: — Кофе без кофеина, сахару не нужно, молоко и горячую воду отдельно, пожалуйста. Кофе налейте в большую кружку, но только до половины, я не пью слишком крепкий. Я сама разбавлю его водой до нужной консистенции.

Официантка кивала, улыбалась, потом отошла на безопасное расстояние и сделала неприличный жест, с таким расчетом, чтобы Дэн видел, а его жена нет. На официантской груди фартучек стоял колом, распираемый силиконом.